

УДК 42/48:37/02:378

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-239-247

Образы мужчины и женщины в калмыцкой языковой картине мира
(на материале паремий)

© **Есенова Тамара Саранговна**

доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: esenova_ts@mail.ru

© **Харчевникова Роза Пюрвеновна**

доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: kharchevnikova_rp@mail.ru

© **Есенова Галина Борисовна**

учитель русского языка школы № 18, г. Элиста
Россия, 358000, г. Элиста, 8 мкр, 19
E-mail: esenova_gb@mail.ru

В калмыцкой лингвокультуре гендерный фактор является ведущим среди социальных параметров человека. Он проявляется в материальной и духовной культуре калмыков: определяет черты характера, нормы поведения людей в социуме, особенности освоения пространства, специфику коммуникации и речи, что отражает обычай *хадмлн* 'запрет замужней женщине-калмычке произносить имена старших родственников мужа'. На основании этого некоторые лингвисты говорят о существовании у калмыков женского языка, женского говора, женских слов. Гендер осмысливается в жанрах калмыцкого фольклора, в частности в паремии. В пословицах и поговорках рисуется образ мужчины и женщины, трактуются их положительные и отрицательные характеристики.

Ключевые слова: калмыки, гендер, репрезентация гендера, пословицы, поговорки, образ мужчины и женщины.

В каждом обществе существует специфическое толкование «мужественности» и «женственности». Представления о «мужском» и «женском» связаны с этнокультурными особенностями лингвокультуры народа. Традиционный калмыцкий социум был организован на строгом гендерном принципе: дихотомии мужского и женского мира при главенстве мужского начала. Данный принцип находит отражение в языке, пронизывает материальную и духовную культуру. Так, размещение в юрте людей и предметов основывалось на гендере: выделялись мужская (левая) и женская (правая) половины юрты. Гендер определял последовательность размещения людей в пространстве: женщины располагались строго после мужчин. Гендер регламентировал и поведение при входе в жилище и выходе из него, закрепляя первенство за мужчиной.

Рассмотрим образы мужчины и женщины в калмыцкой языковой картине мира на примере пословиц и поговорок. С этой целью нами были изучены гендерно окрашенные калмыцкие пословицы и поговорки, выделенные методом сплошной выборки из наиболее полного и авторитетного лексикографического источника паремий [2]. Сравнительный анализ показывает неравномерность паремий. В данном источнике пословиц и поговорок, осмысливающих мужчин, представлено 73. Из них с положительной коннотацией — 41, отрицательной — 10, нейтральных — 22. Пословиц и поговорок, посвященных женщинам, отмечено 59. Из них с положительной коннотацией — 16, отрицательной — 29, нейтральных — 13. Можно заключить, что калмыцким сознанием мужчина оценивается чаще положительно, а женщина — отрицательно. Более того, в калмыцком сознании глупый мужчина уподобляется женщине: *буркг өдриг сө гижэ тоол, муңхг эриг эм гижэ тоол* ‘хмурый день принимай за ночь, глупого мужчину — за женщину’.

Следует отметить, что детальность разработанности образов мужчины и женщины в пословичном фонде калмыков неодинакова. Мужские образы представлены в ипостаси мужчины, юноши, мальчика, отца, старика; женские — женщины, девушки, старухи, невесты, жены, снохи, свекрови, матери.

Отобранный материал в дальнейшем нами был систематизирован и классифицирован на основе семантической доминанты. Были выделены следующие семантические группы (СГ): брак, внешность, отцовство/материнство, характер, старость отдельно для мужской и женской картин мира.

Мужская картина мира. В СГ «Брак» высоко оценивается институт брака: *гергн уга кун йовач нохаһас дор* ‘холостяк хуже бродячей собаки’. В связи с этим в паремии довольно большую группу составляют высказывания о ценности брака, отцовства. В этих единицах провозглашается главенство мужа: *мука болв чигн — утх, му болв чигн — залу* ‘хоть тупой, но нож, хоть плохой, но мужчина’, *залу куунэ үүл тавг дорнь* ‘судьба мужчины в его руках’. При этом подчеркивается полезная роль жены в доме как хозяйки: *сэн гергн герин залмж, сэн селвг ухани сергмж* ‘хорошая жена — порядок в доме, хороший совет — радость и утешение’. В традиционном калмыцком сознании придается значение согласию, ладу в семье, что зависит от женщины — хозяйки дома: *эмал мөрнэ кеерүл, гергн жсирһлин кеерүл* ‘седло — украшение коня, жена — украшение жизни’; *сэн гергн герин чимг, му гергн герин зутаһул* ‘хорошая жена — украшение дома, а плохая — обуза’. Однако языковой материал не позволяет судить о степени полезности жены для обеспечения комфортной жизни мужа. Существуют высказывания, раскрывающие тяготы брака для мужчины: *эмин мууһар гер баргддг, эмалин мууһар дээр һардг* ‘из-за плохой жены дом разоряется, из-за плохого седла появляется ссадина на спине коня’.

В калмыцком языке отсутствуют пословицы и поговорки о любви, о том, что любовь ослепляет человека, лишает его рассудка. Это можно объяснить тем, что у калмыков не принято говорить о чувствах, негативно оценивается демонстрация чувств. В паремии нет высказываний о необходимости женитьбы по любви. Пословица утверждает недолговечность любви: *ажрһ*

унсн деегүр, эңкр авсн жилин деегүр ‘верхом на жеребце — наслаждение дня, жениться на любимой — наслаждение года’. Дело в том, что в традиционном калмыцком обществе семья создавалась не на основе чувств, а путем сговора родителей, при этом мнение молодых учитывалось крайне редко. Если же кому-то удавалось жениться по любви, это событие надолго оставалось в народной памяти, слагались песни, легенды.

В СГ «Внешность» мало внимания уделяется внешней красоте и привлекательности мужчин. В проанализированных пословицах и поговорках отмечена лишь одна единица, провозглашающая, что молодой мужчина хорош сам собой, а старый хорош одеждой ‘*залу күн эврэннь өңгэрн сээхн, көгшин күн хувцарн сээхн*’. Согласно калмыцкой паремии в образе идеального мужчины доминируют не внешние характеристики, а его человеческие достоинства и личностные качества. В частности, мужчина наделяется такой чертой, как преданность Родине: *тоомсрта залу нутгин төлэ зүткдг, тоһстн шовун сүүлэн хэлэж нисдг* ‘почитаемый мужчина заботится о благе родины, павлин же заботится только о своем хвосте’. Высшим предназначением мужчины признается служение своему народу: *сэн залу нутгин төлэ төрдг, сэн мөрн эзни төлэ төрдг* ‘хороший мужчина родится для славы кочевья, а хороший конь — для хозяина’. В паремии высоко оценивается трудолюбие: *эрт көвүн эңкд туста, өрүн эрт босхла өдрт туста* ‘ранний сын — отцу помощник, рано встанешь — много сделаешь’; *залу күн зав уга, зандн модн эрдг уга* ‘у мужчины нет досуга, у сандалового дерева нет изъяна’; *залуһас үүл хөөһдг уга* ‘у мужчины всегда находятся дела’; *утхан бүлүдсн залу мах иддг* ‘мужчина, который точит нож, добудет мясо’.

В паремии довольно большое место занимает СГ «Отцовство». Пословицы и поговорки детально раскрывают отцовское предназначение мужчины. Согласно калмыцкой паремии отец имеет власть над детьми: *аавнь — бүгдин хан, аавин көвүн дуунрин хан* ‘отец — хан над всеми, а любимчик отца — хан над братьями’; *аав гижэ келнд ордг, а гижэ эрдм сурдг* ‘речь малыша начинается со слова «папа», грамота начинается с азов’. В паремии отцовство связывается с такой функцией мужчины, как «кормилец», «добытчик», «защитник». Высоко оценивается роль мужчины-кормильца семьи: *сэн залу олдг, шар шовун шүүрдг* ‘настоящий мужчина добывает, а птица филин хватает’, *сэн залуһин ханзһ улан* ‘торока удачливого мужчины всегда бывают красные (т. е. удачливый мужчина всегда приходит с добычей)’. Малые жанры калмыцкого фольклора особо подчеркивают воспитательную функцию отца и матери: *куүкн сэн болхла, экиннь нер һарһдг, көвүн сэн болхла, эңкиннь нер һарһдг* ‘хорошая дочь прославит имя матери, хороший сын — имя отца’. Это объясняется гендерной направленностью воспитания детей в калмыцкой семье, где мужчина не вмешивается в дела женщины — он воспитывает сына. Отец для сына является примером для подражания: *модчин көвүн — утднь, төмрчин көвүн — ахрднь* ‘сын плотника предпочитает бревно подлиней, а сын кузнеца — железную болванку покороче’.

СГ «Характер» является самой многочисленной, она представлена группой пословиц и поговорок, которые содержат в основном положительную

коннотацию. В характере мужчины среди достоинств называется смелость: *залуд — зорг чимг* ‘украшение мужчины — смелость’. Следующей положительной чертой мужчины провозглашается целеустремленность. Это качество осмысливается в ряде пословиц, например: *залу күн заңһсн талан, зандн модн нэгэлһсн талан* ‘мужчина добивается того, что наметил, так же как сандаловое дерево падает в ту сторону, куда его гнут’; *залу күн зөрсн талан* ‘мужчина должен стремиться к достижению своей цели’; *залу күн зөрсэн эс күцэхлэ, нерэн геедг, чон бэрсэн алдхла харһндг* ‘мужчина, не достигший своей цели, теряет честь; волк, упустивший свою добычу, обречен на голод’; *залу күн зөрсэн эс күцэхлэ, нерэн геедг* ‘мужчина, не достигший намеченной цели, теряет имя’. Пословицы, в которых осмысливается данный признак, в калмыцком языке наиболее частотны, что указывает на его важное место в иерархии качеств мужчины. Следующей важной чертой мужского характера является достоинство, честь: *залу күн ичсн дорһнь үксн деер* ‘мужчине лучше умереть, чем испытать позор’; *эврәннь нерэн һутахин орнд, цогц махмуд тарг* ‘чем опозорить свое имя, лучше умереть’. В характере мужчины особо выделяется такая черта, как немногословность: *эр күмн нег үгтэ, эр мөрн нег ташурта* ‘настоящему мужчине достаточно одного слова, хорошему коню достаточно одной плети’. Согласно калмыцкой паремии мужчина должен быть сдержанным: *хэкр хаиң мөрн үүднд күрэд зогсна, хэңкржэ иңкр залу хөөн эн хоосн хоцрна* ‘тощий ленивый конь остается стоять, дойдя до двери, а шумный, крикливый мужчина остается ни с чем’. Паремия утверждает, что мужчина — это тот, кто держит слово. Об этой черте особенно много высказываний: *заһлма нег шүүрһтэ, залу нег үгтэ* ‘у птицы кобчика хватка одна, у мужчины слово одно’; *өдртэн хатрхла — мөрн, үгдэн күрхлэ — залу* ‘если целый день идет рысью, это настоящая лошадь, если держит свое слово, это настоящий мужчина’; *теесн мөрн тер һазртан күрхлэсэн, тиигнэв гисн залу тер үгдэн күрхлэ сэн* ‘хорошо, когда конь достигнет места назначения, хорошо, когда мужчина держит данное слово’; *үгдэн күрсн залу сэн* ‘хорош мужчина, который держит свое слово’. В паремии отмечено и то, что мужчина должен быть неприятзательным: *эр күмн чонас бишинь ундг, чолунас бишинь иддг* ‘мужчина не ездит лишь на волке, а ест все, кроме камня’. Особое место в ряду положительных качеств мужчины занимает душевная широта: *эр залуһин чееждэ эмэлтэ хазарта мөрн багтна* ‘в душе настоящего мужчины умещается конь с седлом и уздой’. В высказываниях обращается внимание на то, что молодой мужчина должен иметь свое мнение: *көвүн күн задһа эс болсн хөөн — дуутань сэн, куукн күн бүтү эс болсн хөөн — дуугонь сэн* ‘парню, если он не болтлив, лучше иметь свой голос, девушке, если она не скрытна, лучше быть молчаливой’.

В паремии незначительное место занимают единицы, осмысливающие отрицательные качества мужчины. Среди немногочисленных негативных мужских черт называется «хвастовство»: *магтсн көвүн маңнадан баста* ‘у хваленого сына лоб нечист (он непорядочный)’.

Большое внимание в пословицах и поговорках уделяется процессу воспитания качеств мужчины: *хамр нуста гихэд авч хайхд берк, көвүн му гихэд*

көөж йовулхд берк ‘от того, что нос сопливый, трудно его потерять, от того, что сын плохой, тяжело его выгнать’; *тарха хожһр һарһад тәвх һазр олхи* ‘родив плешивого и шелудивого мальчика, не знают, куда его посадить’.

В пословицах и поговорках, относящихся к СГ «Старость», рисуется амбивалентный образ старика. С одной стороны, это пожилой человек, утративший социальную и физическую полноценность, а с другой — это человек, обладающий мудростью и жизненным опытом. Например: *өндр толһа деер һархла нүднә хужр хандг, өвгн күүнлә күүндхлә, чикнә хужр хандг* ‘с высокой горы смотреть — глазу приятно, беседовать со стариком — уху наслаждение’. Следует обратить внимание на то, что в целом в паремии многочисленна группа устойчивых оборотов речи, характеризующих мужчин старшего возраста. В этих выражениях содержатся философские заключения о неизбежности старости: *эриг насн дардг, уулыг цасн дардг* ‘мужчину одолевает возраст, гору снег покрывает’; *арнзл кедү чидлтә болв чигн — муурдг, залу кедү сән болв чигн — көгширдг* ‘как бы ни был вынослив аранзал, устанет, как бы ни был мужчина молод и крепок — состарится’. В паремии присутствуют наблюдения о внешности и материальном положении пожилых мужчин: *залу күн эврәннь өңгәри сәәхн, көгшин күн хувцарн сәәхн* ‘молодой мужчина хорош сам собой, а старый хорош одеждой’; *залу күн олсан өмсдг, көгшин күн олсан иддг* ‘мужчина на заработанное одевается, а старец заработанное проедает’. Паремия подчеркивает, что к пожилым мужчинам следует проявлять уважение: *өвгдиг (көгшидиг) оньдинд күндл, бичкдиг (күүкдиг) оньдинд хәэрл* ‘стариков надо всегда уважать, а детей — жалеть’.

Женская картина мира. В целом пословиц и поговорок, в которых осмысливается образ женщины, меньше, чем паремий, посвященных мужчине (59–73).

В СГ «Брак» отражается второстепенное положение женщины. Калмыцкое сознание оценивает женщину ниже мужчины: *сән эр гүрдән нертә, сән эм үмснәс цааран һазрт нер уга* ‘хороший мужчина известен на всю страну, хорошая жена известна не далее кучи золы’; *эр күмни медр күзү күртлән алтн, эм күмни медр күзү күртлән шора* ‘знание мужчины до самой шеи — золото; знание женщины до самой шеи — пыль’. В паремии говорится о том, что для женщины важны хозяйственные навыки, умелость, сноровка. Домовитость — черта, которая желательна для женщины, так как, по мнению калмыков, лучше всю жизнь оставаться холостым, чем жениться на неряшливой женщине — *татвр уга күүкд кү буулһхин ормд, үктлән белвсн йовсн деер*. Согласно калмыцкому сознанию хорошая жена — это та, которая умело ведет домашнее хозяйство: *күүкд күүнә сәәг гертнь одад медр, залу күүнә сәәг мөрн деер медр* ‘хорошие качества женщины определяют, войдя в дом, хорошие качества мужчины определяют при езде верхом’; *сән гергн герин залмж, сән селвг ухани сергмж* ‘хорошая жена — порядок в доме, хороший совет — радость и утешение’.

В паремии обращается внимание на то, что благополучие семьи зависит от жены, в частности от ее трудолюбия: *оньсиг уудлад шинжлдг, күүкиг өрүнд шинжлдг* ‘замок проверяют, открывая ключом, а девушку — по ут-

рам', *күүкиг гертнь шинжлдг, көвүг кеер шинжлдг* 'девушку проверяют, когда она дома, а юношу — когда он в степи'. Паремия порицает лень, безделье: *усн уга үкр мөөрэч, үүл уга күүкн дуулач* 'корова, оставшаяся без воды, мычит, девушка, оставшись без дела, поет'. Устойчивые обороты к достоинствам женщины относят порядочность. Полагается, что девушка не должна допускать вольность с посторонними людьми, особенно мужчинами, должна беречь девичью честь и честь своих родных: *күүкнэ алянь цог-цан геедг, көвүнэ алянь жүрһлэн геедг* 'беспутная девушка теряет свою фигуру и честь, а беспутный юноша теряет свое счастье'. В пословицах положительно оценивается приветливость, веселый нрав женщины: *нарта хур ку норһдг, нээрч күүкн седкл байрлулдг* 'дождь при свете солнца может промочить, веселая девушка способна порадовать душу'.

СГ «Внешность» включает несколько единиц. Все они содержат отрицательную коннотацию: *хумха цаһан үүлн — теңгрин хутхур, хо цаһан гергн — хотна хутхур* 'белые перистые облака — причина непогоды, белолицая женщина — причина ссор в хотоне'; *өкэр, эрк гергн өркэр үздг од авнав гидг* 'миловидная, избалованная жена капризна: ей достань звезду с неба, что виднеется через дымоход юрты'. Анализ показывает, что в паремии осмысливаются не физические данные женщины, а ее человеческие качества, при этом нравственные качества, трудолюбие, материнство оцениваются выше, чем физическая привлекательность.

В СГ «Материнство» женщина представляется прежде всего как мать. Паремия отражает патриархальные взгляды на предназначение женщины: социальные роли женщины сводятся к материнству и семейным функциям, акцентируется внимание на предназначении женщины быть невестой, снохой, женой, матерью. Паремия не одобряет одиночество, развод женщины, утверждает, что материнство является главной женской ролью и предназначением женщины, а высшей ценностью женщины провозглашается плодовитость: *йисн көвү һарһсн эк ик герин деед бийд суудг* 'мать, родившая девять сыновей, занимает почетное место в большом доме'. Бездетность расценивается как большое несчастье: *үрн уга күүнэ чееж харңһу* 'у бездетного человека темно на душе', *үрн уга эцк эк махн уга ясн мет* 'родители без детей, что кость без мяса'. Паремия по справедливости оценивает роль женщины в семейной жизни и воспитании детей, поскольку именно от жены зависит благополучие семьи: *эмэл мөрнэ кеерүл, гергн жүрһлин кеерүл* 'седло — украшение коня, жена — украшение жизни'; *сэн гергн герин чимг, му гергн герин зутаһул* 'хорошая жена — украшение дома, а плохая — обуза'; *эмин мууһар гер баргддг, эмэлин мууһар дээр һардг* 'из-за плохой жены дом разоряется, из-за плохого седла появляется ссадина на спине коня'.

В ипостаси жены женщина предстает как домашняя хозяйка, мир которой ограничен порогом дома: *эр күмни жүрһл эзн уга кеер* 'счастье и блаженство мужчины — безлюдная степь'; *залу күүг һазаран йовад мед, күүкд күүг гертнь одад мед* 'хорош ли мужчина — узнают в пути, а женщину — побыв у нее дома'; *залу күүнэ үүл тавг дорнь* 'судьба мужчины в его руках (букв.: под его ступней)'; *күүкд күүнэ сээг гертнь одад мед, залу күүнэ сээг*

мөрн деер мед ‘хорошие качества женщины определяют, войдя в дом, хорошие качества мужчины определяют при езде верхом’; *күүг хаалһд тань, күүкиг гертнь шинжл* ‘путника узнай в пути, девушку оцени в доме (родителей)’.

Паремия не противопоставляет роль матери и роль отца: *ээжэн көксэр күн болна, эцкэн дахсар чидвртн болна* ‘сося грудь матери, становятся человеком, следуя за отцом, становятся умельцем’, *аавин сурһмжэ алтн, ээжсин сурһмжэ эрднь* ‘отцовские наставления словно золото, а поучения матери как драгоценность’. Однако прослеживается гендерный принцип в воспитании: от матери зависит, какой вырастет дочь, а от отца — сын. Утверждается, что если дети растут в неполной семье, то они вырастают беспутными: *эцг уга көвүн елдң, эж уга күүкн елдң* ‘юноша, не имеющий отца, беспутный, девушка, не имеющая матери, беспутная’. У калмыков не принято оставлять осиротевших детей и стариков, заботу о них берут родственники, что отражено в паремии: *аав үкхлэ — ах аав, ээж үкхлэ — эгч ээж* ‘если умрет отец, старший брат — отец, если умрет мать, старшая сестра — мать’.

В СГ «Характер» осмысливаются такие положительные черты, как хозяйственность, вежливость, приветливость, коммуникабельность, и такие отрицательные качества, как лень, легкомысленность, жадность, конфликтность. Паремия недооценивает умственные способности женщины, утверждая, хотя у женщины волосы длинные, ум короткий — *күүкд күүнэ үснь ут болвчигн ухань ахр*. Полагается, что калмычка должна быть послушной, покладистой: *келәрн тәәлдг һоста бол, үгәрн болдг гергтә бол* ‘заимей сапоги, которые снимались бы легко, заведи жену, которая была бы послушна’. Модель поведения примерной калмычки — заходи, когда велят зайти, выходи, когда велят выйти ‘*ор гихлэ орад, һар гихлэ, һарад*’. Приветливое, вежливое, деликатное поведение женщины высоко оценивается калмыцким сознанием: *күүкд күн медмкхлэ, залуд күзүцә шавр* ‘если женщина ведет себя заносчиво и самонадеянно — мужчине настоящий позор’. Анализ позволяет сделать вывод о том, что коммуникативный талант, навыки вежливого, неконфликтного общения калмычками оцениваются выше внешней красоты: *хумха цаһан үүлн — теңгерин хутхур, хо цаһан гергн — хотна хутхур* ‘белые перистые облака — причина непогоды, белолицая женщина — причина ссор в хотне’. Коммуникабельность, вежливость и хозяйственность жены определяют статус мужа в калмыцком обществе, так как о муже калмыки судят по жене: *эр сәәтә эм номһн, эзн сәәтә мөрн номһн* ‘у хорошего мужа жена спокойна, у хорошего хозяина лошадь смирна’.

К негативным качествам относится конфликтность женщины. Паремия предостерегает: *сүргәсн зулсн бух кецү, керүлд дурта эм кецү* ‘страшен бык, убежавший от стада, ужасна женщина — любительница ссор’; *утхан бүлүдсн залу — мах иддг, келән бүлүдсн гергн маля үздг* ‘мужчина, который точит нож, будет кушать мясо, женщина, которая точит язык, отведаёт плеть’. Автор XIX в. П. И. Небольсин в связи с этим пишет: «У калмыков считается величайшим грехом, когда дерутся женщины. В таком случае раньше их разнимали, не иначе как отрезав полы халатов. По многим наблюдениям, калмыки всячески избегают ссор с женами и заводят их с женщиной считается ниже достоинства» [1, с. 117].

В пословицах и поговорках порицается жадность женщины: *ховдг гергтэ күн хорһта шөлу удг уга* ‘у кого жадная жена, тому не есть жирного супа’. Кроме того, к отрицательным качествам женщины паремия относит лень, легкомысленность: *цах шовун чальчагтан дурта, цалдң баавһа ээлдэн дурта* ‘чайка любит ходить по мелководу, легкомысленная женщина любит ходить по гостям’; *усн уга үкр мөөрэч, үүл уга күүкн дуулач* ‘корова, оставшаяся без воды, мычит, девушка, оставшись без дела, поет’.

В СГ «Старость» рисуется образ женщины пожилого возраста, которая хотя и утратила социальную и физическую полноценность, но пользуется заслуженным уважением и почитанием в обществе. Женщина старшего возраста высоко оценивается калмыцким сознанием: *күүнэ эки — ээж, усна эки — булг* ‘начало людей — мать, начало воды — родник’. В пословицах, поговорках высоко оценивается жизненный опыт и мудрость пожилых женщин, их роль в воспитании детей; прослеживается мысль о невозможности отплаты материнской добродетели: *ээжин ачиг кезэчиг хэрүлж боли уга* ‘заботу матери никогда ничем не отплатить’; *ээжин ачиг альхн деерэн мах чанжэ өгвчигн хэрүлж боли уга* ‘материнский долг ничем нельзя отплатить, даже если мясо на ладони пожарить и подать’.

Таким образом, в калмыцкой паремии мужские образы представлены в ипостаси мужчины, юноши, мальчика, отца, старика; женские — женщины, девушки, старухи, невесты, жены, снохи, свекрови, матери. Паремия создает амбивалентные образы мужчины и женщины. При этом в образах и мужчины, и женщины преобладают внутренние качества (умственные способности, моральные качества, особенности поведения) и качества, связанные с социальным статусом (отец/мать, муж/жена). Калмыцким сознанием мужчина оценивается чаще положительно, а женщина — отрицательно. К положительным характеристикам как мужчины, так и женщины паремия относит отцовство/материнство, хозяйственность, домовитость, трудолюбие, коммуникабельность. В паремии утверждается, что красивая внешность является неглавной ценностью как для мужчины, так и для женщины. Красота человека сопряжена с более высокими ценностями личности (преданность Родине, служение своему народу, трудолюбие). К негативным чертам характера мужчин и женщин паремия относит лень. Жадность, легкомысленность женщины и хвастовство мужчин осмысливаются как пороки.

Литература

1. Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. — СПб., 1852.
2. Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. — Элиста, 2007.

**Images of men and women in the Kalmyk language picture of the world
(on the material of proverbs)**

Tamara S. Esenova

DSc in Philology, Professor, Gorodovikov Kalmyk State University
11 Pushkina St., Elista 358000, Russia

Roza P. Kharchevnikova

DSc in Philology, Professor, Gorodovikov Kalmyk State University
11 Pushkina St., Elista 358000, Russia

Galina B. Esenova

Teacher of the Russian Language in School No. 18, Elista
19 Microdistrict 8, Elista 358000, Russia

The gender perspective in the Kalmyk linguoculture is the leading one among social dimensions of a person. It is expressed in the material and spiritual culture of the Kalmyks; it defines personal traits, standards of human behavior in society, features of territory development, the specifics of communication and speech, which is reflected in the custom *hadmlhn* “a married Kalmyk woman is prohibited to pronounce the names of the husband’s senior relatives”. Accordingly some linguists speak about the existence of the Kalmyk woman’s language [Ramstedt 1957], woman’s dialect [Aalto 1961], woman’s words [Ochirov 1911; Bitkeeva 1976]. Gender is comprehended in the Kalmyk folklore, particularly in paremias. The images of man and woman are represented in proverbs and sayings, their positive and negative characteristics are discussed.

Keywords: the Kalmyks, gender, gender representation, proverbs, sayings, the images of man and woman.

References

1. Nebol'sin P. I. *Ocherki byta kalmykov Khosheutovskogo ulusa* [Essays on Life of Kalmyks from Hoshud Ulus]. St Petersburg, 852 p.
2. Todaeva B. Kh. *Poslovitsy, pogovorki i zagadki kalmykov Rossii i oiratov Kitaya* [Proverbs, Sayings and Riddles of the Russian Kalmyks and the Oirats of China]. Elista, 2007.